

МИФОСОЗНАНИЕ: ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ

Косов Александр Владиславович – к. психол.н., доцент, доцент кафедры социальной и организационной психологии Калужского государственного педагогического университета им. К.Э. Циолковского (г. Калуга)

Аннотация: *В статье раскрыты механизмы фиксации социального мифа в общественном сознании; исследовалось влияние особенностей русского менталитета, культурного архетипического поведения и этнических поведенческих стереотипов на формирование социального мифотворчества в России. Типы проявления мифологического сознания обуславливаются особенностями господствующей конфигурации знакового опосредствования в различных видах человеческой жизнедеятельности.*

Ключевые слова: мифосознание, функции мифосознания, механизмы мифосознания, миф, мифологизация, культура.

Взаимоотношения людей во многом определяют мифологические архетипы. В соответствии с мифологическими моделями часто строятся новые мифы, подавая свою интерпретацию окружающего мира, так же, как делал это древний человек, пытаясь объяснить свой мир. Миф соединяет в себе рациональное, без чего современный человек не в состоянии упорядочить и осмыслить (понять мир, чтобы управлять им, т.к. осознание подчиненности тебе событий, не зависящих от тебя формально, приносит успокоение) события окружающего мира и иррациональное, что еще важнее, поскольку затрагивает в человеческой душе то, что находится вне сознания человека, его рационализма.

Эффективность воздействия мифа в рамках мифосознания связана с заранее заданной его истинностью, т.к. мифологическое не проверяется разумом, а принимается на веру. Если мифу не находится соответствия в действительности, то в этом вина действительности (которая начинает препарироваться и подгоняться под уже сложившийся миф), а не мифа. Мифологическое может быть исправлено или изменено только на мифологическом же уровне.

Флоренский П.А. [9:45-47] писал о попытках систематизации: «система есть результат события мысли, а не ее трактовка» а если она не предпосылка, то лучше уж суеверие, чем системоверие. Мамардашвили М.К. [8:89] формулировал мысль более жестко, но более точно по отношению к мифу, его деятельности, эффективности воздействия, объясняя – «где система, там – смерть». Систематизированный миф «умирает», хотя, по нашему мнению, исследовать его, возможно только системно.

Концептуальный аппарат моделей познания мира должен быть, по мнению Зинченко В.П. [5:5-23], весьма своеобразным, «его тоже нужно брать из культуры, хотя и не механически, а преобразовав для нужд» исследования. Поэтому для него важнейшей частью такого аппарата является понятие медиаторов (средств, которыми культура воздействует на человека, формирует его). По его мнению, кроме Витгенштейна и Мамардашвили М.К., именно у Лосева А.Ф. [7:217-230] очень отчетливо прописаны четыре главных медиатора нашего поведения: знак, слово, символ, миф. Очень важный медиатор (представление об овеществленности смысла Г. Шпета [11:234-235]), Зинченко В.П. [5:5-23] дополняет медиатором, заимствованным у Августина (концепцией персонального медиатора, который является посредником между людьми и Богом). Т.о., им была создана некая иерархическую систему медиаторов, позволяющая анализировать, как человек овладевает ими в процессе развития, какова их роль в «собрании личности», в выстраивании функциональных органов (живое движение, с помощью знаковых медиаторов трансформирующееся в знаковое действие, инструмент общения, последовательное осознание человеком собственного действия с помощью слова и т.д.). «Главное, не только мы осваиваем свой язык - язык, осваивает нас, становясь нашим функциональным органом, но ведь при задалбливании языка, символа, мы сами можем стать органами символа, органами слова, буквы, какого-то закона, утрачиваем способность свободно оперировать этими символами» [5:15]. Сам Зинченко В.П. использует авторскую модель хронотопа, визуализации времени.

По мнению Зинченко В.П. [5:17] у Гумбольдта В., а потом у Мамардашвили М.К. прописан эффективный ход социализации - прорваться во внутреннюю форму символа, во внутреннюю форму слова, во внутреннюю форму мифа. Если это удастся, то происходит обогащение собственно личностного внутреннего содержания, т.к., при прорыве во внутреннюю форму другого человека, строится новая собственная внутренняя форма и/или происходит

содержательное обогащение старой. Мы считаем, что на основе указанных представлений возможны достаточно строгие исследования. Т.о., миф носит императивный, побудительный характер, и всякий миф обладает слоистой структурой. Миф воспринимается как структура и его содержанием является также структура. Задача мифа - в придании исторически обусловленным интенциям статуса природных, возведение исторически преходящих фактов в ранг вечных (миф из случая делает правило, обязательное для всех). Мифы демонстрируют относительность нашего восприятия реальности, через ограничение всего сущего его противоположностью. Они используют символы и метафоры для конкретизации заложенного в них смысла, секуляризируя, персонализируя и инсценируя свою основную идею, они становятся понятны и доступны всем и каждому. Мифы развивают и укрепляют чувство идентичности; они порождают чувство общности; укрепляют моральные ценности; объясняют в строении мира то, что наука пока объяснить не в состоянии. Мифу свойственны следующие признаки: он имеет отношение к реальности, эмоциональное в его содержании доминирует над логическим, структура мифа сходна со структурой научной теории и сохраняется даже при радикальном изменении содержания мифа, формой проявления мифа в обществе является идеология и теория, претендующая на научность, инструментом внедрения мифа в сознание общества на этапе разрушения социальной нормы становятся СМИ, на этапе закрепления новой социальной нормы к ним присоединяются институты образования, миф имеет особый полифункциональный язык, миф приобретает непреодолимую силу влияния в обществе в переломные моменты его истории, становясь выразителем коллективных желаний, миф ограничен территориально, функционируя только в рамках определенного топографического пространства. Миф обладает функциональной направленностью. Миф, опирающийся на потребность в чуде, тайне и авторитете, способен побуждать к активной практической и духовной, жизни дремлющие внутри человеческого «я» резервы. Нормативные начала, содержащиеся в архетипах и мифах, всегда несли в себе способность освобождать человека от каких-либо сомнений, предопределяли особенности норм морали.

По мнению М. Элиаде, «проживание» себя в рамках мифа действует на человека, придавая истории объективный вид. «Каждый герой повторял архетипическое действие, каждая война возобновляла борьбу между добром и злом, каждая новая социальная несправедливость отождествлялась со страданиями спасителя...» [12:135]. Все это имело достаточно сильные благотворные последствия для психики: «Благодаря такому подходу десятки миллионов людей могли в течение столетий терпеть могучее давление истории, не впадая в отчаяние, не кончая самоубийством и не приходя в то состояние духовной искушенности, которое неразрывно связано с релятивистским или нигилистическим видением истории» [12:136]. Феномен уже реализованного прецедента естественным образом стабилизирует мифологическую ситуацию, т.к. невозможно изменить прошлое: «Везде, где человек говорит для того, чтобы преобразовать реальность, а не для того, чтобы законсервировать ее в виде того или иного образа, везде, где его речь связана с производством вещей, метаязык совпадает с языком-объектом, и возникновение мифа становится невозможным» [2:116].

Т.о., Р. Барт определяет миф как вторичную семиотическую систему, поскольку он состоит из знаков системы первичной, которые сами по себе превращаются в означающие, отсылающие к новым означаемым: «передо мной имеется надстроенная семиологическая система: здесь есть означающее, которое само представляет собой первичную семиологическую систему, есть означаемое, наконец, есть репрезентация означаемого посредством означаемого» [2:80-81]. Отсюда - основная особенность вторичной семиотической системы, в ней знак одновременно является и формой и смыслом. Один миф может сменить другой, но человек никогда не остается без мифов. «Миф - форма сознания, свойственная человеку, как свойственны ему другие формы сознания. Разрушение мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. Когда на смену высокому мифу приходит низкий - беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается» [4:275]. Человечество постоянно занято заменой мифов мифами же. При исследовании мифа, в нем выявляется скрытая деформацию смысла и, тем самым, происходит расшифровка искаженных языком мифа явлений, поскольку, по словам Р. Барта, «миф ничего не скрывает и ничего не афиширует, а только деформирует: он не есть ни ложь, ни истинное признание, он есть искажение» [1:81].

В мифах, как продуктах коллективного бессознательного, содержатся представления о должном и запретном, присутствуют «первообразцы» и «первонормы» социального поведения. Для мифологического сознания человек - не автономная единица, а частица рода, являющегося

одним из элементов космического миропорядка. Нормативно-регулятивная функция мифологии, нацеленной и на мирообъяснение, и на поддержание социального порядка, имела тройственную направленность - «первонормы» регулировали отношения: - между индивидами, - между индивидом и родом, - между родом и Космосом.

В мифологической картине мира окружающая человека действительность представляла как единое целое, где каждому элементу отводилось определенное место, и именно на этом основывалось ощущение и сознание устойчивости, неизменности и законосообразности всего сущего.

Мир мифа всегда целостен, являясь миром непрерывным и целым, где каждое воздействие на любую из составляющих влечёт за собой изменение всех других элементов (и, в тоже время, дискретным). Любой эпос повествует лишь о значимых событиях, опуская события малозначимые и маловажные, география мифа дискретна, т.к. все события в мире мифа происходят в опорных точках пространства, все остальные места для мифа незначимы. Эту особенность мифологического сознания можно считать источником некоторых анахронизмов в мифе, естественных для него. Миф живёт по своим собственным законам, и, поскольку некоторая историческая личность органично вписывается в ткань мифа, постольку эта личность обязана пребывать там. Всякий человек, живущий в мифе, относится к миру как к единому целому – в этом основная черта, отличающая сознание мифологическое от обыденного. Согласно мифосознанию, вне мира ничего не существует, в т.ч. и человека, но мир человека - всё окружающее, а кроме этого, ещё и род (человек вне рода - не человек), неотделимый от мира, и малая родина. Воздействие мира мифа существенно шире, чем физические воздействия, поскольку всякое проявление внешнего мира содержит, кроме видимых явлений ещё и некий скрытый смысл - отсюда твёрдая убежденность человека, живущего в мифе в том, что называют суевериями, а также последствия - личные и массовые видения.

Обладая нормативными структурами и явно выраженной регулятивной функцией, мифология выступала в качестве инструмента социального контроля за поведением индивидов, участвовала в обеспечении порядка и стабильности внутри архаических сообществ. Нормативное сознание в древних мифах не столько размышляет о существовании ограничений и запретов для человеческих действий, сколько фантазирует о них. Мифологические представления соотносились с глубинными, подсознательными уровнями человеческой психики, а содержащиеся в них нормативные предписания носили бессознательно-авторитарный характер и не предполагали сомнений в своей правомочности, не допускали критики и не подлежали опровержениям. Не строя рациональных, логически последовательных доводов, мифосознание создавало чувственно воспринимаемые образы, наделенные огромной выразительностью, способностью производить сильное, неизгладимое впечатление на индивидов. Обладая способностью к суггестии, эти образы апеллировали не к разуму и даже не к чувствам, а к подсознательным глубинам человеческой психики. Внутри вселенского мифа находятся все учения, которые, при всех их различиях, утвердились благодаря заложенной в них возможности соответствовать парадигме мифомышления человека.

Всегда существует некий зазор между конкретной речевой практикой и собственно мифом. Реальный текст, записанный и проинтерпретированный современным исследователем, неизбежно несет в себе элементы рациональности. Проблема в том, что, будучи отчужденным продуктом сознания, текст может рассматриваться как манифестация мифосознания, но отнюдь не как сам миф. Т.о., можно судить о механизме функционирования мифологического сознания по отдельным его проявлениям. Учитывая универсальный характер мифа, проявления последнего должны пронизывать все аспекты жизни человека и соответствующего типа общества. Мифологическое сознание не нуждается в письменной фиксации предмета изложения, поскольку этот предмет в явном виде отсутствует. В этом смысле то, что записывается этнографами и фольклористами от носителей устной традиции является, собственно говоря, «текстом, несущим следы субъективности рассказчика», т.к. никакого первоначального текста просто не существует. Миф существует в момент трансляции, т.е. передачи информации от рассказчика к слушателям.

По мнению Кармина А.С., «как этническая, так и национальная принадлежность человека определяется его самосознанием. Но если этническое самосознание зависит от происхождения человека, то национальное - от его включенности в семиотическое поле национальной культуры и чувства причастности к ней...» [6:140]. Национальность человека - признак, приобретенный в национальной среде, суть которой заключается в особенностях предметно-действенного, художественного и понятийного мышления, обусловленных спецификой средств общения и

мышления (языка, обрядов, обычаев). Этнический менталитет, миф и ритуал, обусловленные природными и общественными обстоятельствами жизни их носителей, приобретают со временем относительную самостоятельность от изменяющихся реальностей, становясь вполне самостоятельными, но тесно взаимосвязанными феноменами культуры.

Фаза ритуала - продолжение мифа, практическое его воплощение. Ритуальное действие предполагало мировоззренчески-воспитательный эффект и одновременно решало чисто утилитарную задачу обучения приемам и методам практической деятельности, но для того, чтобы отделить образ животного от его непосредственного бытия, требовалось, уже довольно развитое сознание. Ритуализированное действие - мощный элемент мифотворчества. Однако, несмотря на несомненную значимость, ритуал второстепенен по отношению к содержательному аспекту мифа.

Массовое сознание, тем не менее, вычленяет ритуал как самостоятельное явление, в результате чего сам миф практически теряет свой сакральный смысл. Часто именно реализационный момент мифа и объединял большое количество людей в полусознанном стремлении к прорыву, являлся единственным аспектом мифа, который был доступен рядовому слушателю, ищущему ощущений, а не смысла. Впрочем, иногда ритуалу приписывался и смысл, этот технический элемент мифотворчества для многих становился способом заглянуть за границы сознания. Таким образом, культурное явление превращалось в механическое действие, ибо для осмысления ритуального опыта необходима полная абсорбция самого мифа. Миф работал в сознании его творцов, и постепенно приобретал элитарный характер. В массовом же восприятии он далее стал функционировать как механический прием, который и сегодня не теряет своей актуальности.

Постепенно в мифологическом сознании ритуальная и практическая деятельность отделялись друг от друга, хотя обе они рассматривались первобытным сознанием как равно необходимые. Из этого и возникли первые представления о единстве того, что сейчас называют познавательными и ценностными моментами, причем это единство внутренне противоречиво: оно содержит в себе моменты нормы и творчества, устойчивости и изменчивости. Миф при этом выступает и как источник нормативной деятельности и как предписание к следованию норме. Вместе с тем, в вариациях ритуальной практики закладывается один из видов эстетического отношения - диалектическая взаимосоотнесенность идеального и реального.

Осознавая себя частью мира, человек сопереживает ему, а всякое переживание предполагает отождествление себя с объектом этого переживания, поэтому «Я» распадается из-за постоянного отождествления себя то с одной знаковой системой, то с другой. В этом сходство мифологического и массового сознания - сознание характеризуется не наличием мнения, четкого осознания действительности, а поверхностностью причинности и мозаичностью картины Мира. Массовое сознание, характерное для людей кризисных исторических эпох, исследователи пытаются отождествить с мифологическим, однако такое объединение неверно, поскольку для мифологического сознания, наоборот, характерна целостная картина мира. «Я» человека мифа распадается по числу наблюдаемых элементов, но за счёт отождествления себя и мира, оно сохраняет гармоничность. Логика мифа здесь вступает в противоречие с формальной логикой, где часть не может быть равна целому. В пространстве мифа это возможно. Человек ощущает себя настолько включённым в ткань мира, что существование мира без него невозможно: он сам и есть мир. Самовосхваление – способ закрепления человека в мире.

Соответствующие нормы и образцы поведения, деятельности, общения и взаимодействия людей с элементами окружающей их среды создаются самими людьми в процессе коммуникации, которая реализуется в форме обмена действиями порождения и интерпретации текстов («текстовой деятельности») и являет собой один из ключевых социокультурных механизмов включения субъектности в формирование, воспроизводство и эволюцию «микровселенных», к числу которых относят эко- и/или урбосистемы. Культурная субстанция, порождаемая и развиваемая людьми в коммуникации, «пребывающая» в людях и эволюционирующая вместе с ними, впитывается поколениями людей, консолидируя их вокруг соответствующих норм и образцов.

Принятые как собственные, они систематизируются в сознании человека на протяжении всей жизни в процессе перманентного поиска выходов из проблемных ситуаций, опосредующих его взаимодействие со средой, вследствие чего и возникает «сцепление» жизненных обстоятельств со значимыми средовыми факторами, выявляются внешние и внутренние требования и ограничения, налагаемые на выбор жизненной стратегии, вырабатываются ориентиры, которыми руководствуются носители той или иной культуры в повседневной жизнедеятельности и

взаимодействии со своим природным, культурно-символическим и социальным окружением. Поэтому культурная субстанция, являясь частью сознания порождающих и воспроизводящих ее людей, становится и частью их жизненной среды, того контекста, в котором протекает повседневная жизнедеятельность человека, систематизируется его ментальность, вырабатываются его мировоззрение, образ и стиль жизни.

Миф и мифологическое мышление, определяемое Вельм И.М. [3:119-131] «как древнейшая форма его (мышления), глубоко связанные с архетипами, выступают как важные средства, организующие коллективные связи традиционных обществ, обуславливающие их особое единство и целостность, особенности функционирования на устойчивости соответствующих специфических общих мировоззренческих позиций». Хотя законы мышления для человечества едины и не зависят от национальной принадлежности людей, существуют этнические особенности мышления, обусловленные своеобразием средств мышления и общения (национальными знаковыми системами), свой особый строй мышления, предопределяющий картину мира... Каждый народ (этнос) обладает своими знаковыми системами (язык, искусство, обычаи, обряды, систему знаковых действий), вырабатывавшимися тысячелетиями. Эти различия объясняются различным уровнем дифференциации вещей, находящихся в обиходе, их составных частей и признаков, к тому же, человек через язык воспринимает мир и через древние значения слов современные люди воспринимают мир через ментальность далеких этнических предков.

Язык мифа - принцип становления и функционирования носителей знания в традиционных обществах, который в своей целостности создает особый, весьма жесткий, но эффективный сценарий жизни традиционных обществ. Именно в мифе кодируются всеобщие и конкретно этнические отношения к миру человека традиционного общества, поэтому изучение мифов позволяет понимать характеристики мировосприятия, миропонимания древнейших обществ, проследить связи действующих «правил» и особенности построения отношений, образующих самобытность, целостность этнически разных обществ. Национальная мифология - «образ» народа, устойчивый в сознании (в основном в реликтовых формах) и стереотипах (архетипах) поведения, фиксирующий истинное своеобразие этноса и директивно (посредством мифологических индикаций) воспроизводимый в каждом последующем поколении, не смотря на то, что мифологический «образ» обычно консервативен и риторичен (неукладывающееся в миф - «отбраковывается» как нетипичное).

Мифы в традиционном обществе, тесно связанные с магией и обрядом (язык мифотворчества «опредмечивался» в символическом языке действий - ритуалов), функционируют как средство поддержания природного и социального порядка и социального контроля, к тому же, мифологическое мышление обладает логическим и психологическим своеобразием, а мифотворчество является древнейшей формой символического «языка», в терминах которого человек моделирует, классифицирует, интерпретирует мир, общество и себя.

Мифологические структуры, значения знака-действия (и др. знаковых систем) отражают характер понимания внешнего мира создателями систем, но и являются средством организации их отношений к себе, к миру, а также условием сохранения и функционирования этнических сообществ, т.к. этнический менталитет в значительной степени обусловлен традиционными отношениями, сформировавшимися в рамках мифологически обоснованных традиций, при том, что у каждого народа имеется собственный эталон поведения, система обучения надлежащему поведению, правила, поощряющие или запрещающие определенные типы поведения. Обряд и обычай - застывший образец поведения людей, материализованное миропонимание предков.

Мифосознание отражает общие характеристики мифологического способа освоения действительности, а ряд свойств мифосознания конституирует социальную реальность. Если рассматривать мифосознание как отправную точку ментальных трансформаций, выясняется, что миф обладает сложной символической структурой, в мифе пространственная организация преобладает над временной, смысловое поле мифа задается присутствием в нем образцовых действий (архетипов), а мифологическая практика всегда может быть представлена в форме некоего повествования (нарратива). Миф, как дорефлективная форма сознания, категориально не структурирован и, соответственно, особенности мифологического сознания видоизменяются в достаточно широких пределах, позволяя мифологическому сознанию объединять совершенно несовместимые вещи.

Нами исследовалась роль современного социального мифа, выяснялись особенности мифологических форм сознания, выявлялись их функции и механизмы, производился предварительный анализ взаимообусловленности этнической ментальности и мифосознания. По

мнению М. Элиаде, секрет мифологического сознания в цикличности времени в священном мифе – в ритуале имитируется небесный образец действия. Им постулируется зависимость человека от ритуала - т.о. имитация освящает и придает законность действию: «Мифологическое сознание связано со священнодействием. Древний человек осознавал реальность своих действий в той степени, в какой они соответствовали сценарию священнодействия» [12:165.]. В этом случае анализ ситуации ведётся с позиции современного человека, в то время как миф не допускает норм формальной логики, поскольку законы мифа и науки разнятся, на раннем же этапе мифологизма человеческого сознания магическое действие, обряд, ещё не вполне трансформировалось в исключительно религиозный акт, в ритуал. При этом магические явления представлены как чудесные, удивительные (но не как неестественные и исключительные), органично вплетаясь в её неотъемлемой частью. □ ткань реальности, становясь

Природа наградила человека своеобразным защитным механизмом - потребностью в объяснении словом, способностью к мифотворчеству, при этом мифы общества в целом (эгрегора) и миф каждой отдельной личности одинаково важны, нуждаются в осознании и своевременной вербализации. Выяснилось, что вопросы ремифологизации особо актуальны в связи с попытками сознательного анализа мифов, которые, как известно, в этом случае «умирают», сублимируясь (трансформируясь) в иные формы познания мира, миропонимания и мироощущения. Ранее, основой процесса ремифологизации стало развитие теории коллективного подсознательного, психоанализа и «философии жизни», в частности работы Юнга, Бергсона, Ницше. Молодежь, разочаровавшись в ценностях старшего поколения, остро ощущает свою неадекватность реальности. Эстетика контркультуры во многом основывается на ремифологизации как способе уйти от реальности. Заново созданная реальность принимает форму обновленного мифа, однако, содержательная сторона этого мифа постепенно отодвигается на второй план. В мифе реализационный элемент уже доминирует, что постепенно приведет к снижению значения явления и подмены мифа ритуалом, а символа - знаком.

Таким образом, отличительная особенность мифосознания - осознание целостности мира в противоположность стремления современного человека к аналитическому рассмотрению явлений мира, т.е. стремления к разделению мира. Человек мифа осознает себя включённым в жизнь всего мира и чувствует свою значимость, поэтому люди мифа - всегда герои, значительные личности. Это - объективное следствие мифологического состояния сознания. В современном мире же человек обособляет себя от действительности и в результате теряет над ней контроль. Мифологическая форма сознания - способ осмысления человеком мира и социальная практика. Любой тип сознания (в т.ч., мифологический) - своеобразная структура, позволяющая человеку наполнить свой мир смыслом, выйти за рамки индивидуального существования и преодолеть ситуацию отсутствия самоидентичности, интерпретирующая смену типа смыслополагания как трансформацию элементов структуры (притом, что структура не абсолютна, зависима контекстуально и социокультурно обусловлена). Наиболее устойчивые признаки мифосознания (находятся в явном противоречии с установками исторического сознания - каузальностью, временностью, индивидуальностью, тотальностью) - знаковость и символизм мифологического мировосприятия; по преимуществу синхронический характер мифологических представлений; наличие архетипов как образцов любого осмысленного действия [10]. Мифосознание, в первую очередь, социокультурная практика, а мифическое как опыт сознания, участвует в формировании и структурировании локальных жизненных миров, интенциональных идентичностей и коммуникативного пространства интеракций (бытие-друг-с-другом).

Литература

1. Барт Р. и др. Рекламный менеджмент. - М.-СПб.-К., 1998. – С. 81.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, 1989. – С. 116.
3. Вельм И.М. Миф и мифологическое мышление в структуре этнического менталитета (на примере удмуртского этноса). // Мир психологии. - № 3. – 2003. – С. 119-131.
4. Гулыга А. Миф как философская проблема // Античная культура и современная наука. - М., 1985. - С. 275.
5. Зинченко В.П. Предмет психологии? Подъем по духовной вертикали // Человек. - 2001, № 5. - С. 5-23.
6. Кармин А. С. Основы культурологии: Морфология культуры. - СПб., 1997. - С. 140.
7. Лосев А.Ф. Миф - развернутое Магическое Имя // Символ, №28, 1992. - С. 217-230.
8. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. - М., 1997. – С. 89.
9. Флоренский П.А. Имена (социальная философия имени). // Характер и имя. - М., 1992. – С. 45-47.

10. Чистанов М.Н. Генезис исторического сознания как проблема социальной философии. Автореф. дисс. к.ф.н. – Томск: ТГУ, 2001. – 21 с.
11. Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. - М., 1989. - С. 234-235.
12. Элиаде М. Аспекты мифа. - М.: Инвест-ППП, 1996.